

казал архитектору превзойти эту главную святыню католического мира, «пустить на аршинчик длиннее, чем собор в Риме».²⁸ Пусть «граф Фалькенштейн» в разговорах с Сегюром и де Линем смеялся над Потемкиным; пусть грандиозная постройка так и не осуществилась (возвели только фундамент, обошедшийся в семьдесят тысяч рублей; впоследствии, когда Екатеринослав из проекта превратился в реальный город, церковь все же была выстроена — по такой обыкновенной и скромной, что фундамент стал ее оградой). Но нас занимает не только реальность, но также идея, также планы Потемкина. Они были грандиозны до фантастичности.

Екатеринослав предполагали сделать столицей Новороссии. Все было предусмотрено — не забыта даже музыкальная академия, которой предназначалось заведовать знаменитому Сартти. Если и позволительно говорить о «потемкинских деревнях», то к ним относился один Екатеринослав — город-мираж на днепровском берегу. Парадоксальность ситуации состоит в том, что Потемкин более всего потряс путешественников не тем, что он им показал, а тем, что они могли увидеть только на планах. Здесь мы вступаем в мир идей — и это, вне всякого сомнения, самое интересное в новороссийском путешествии.

Над ним как бы витал дух истории. И русские, и иностранцы, сколько можно судить по запискам, корреспонденциям и мемуарам, все время о ней думали и разговаривали. Когда после встречи со Станиславом-Августом царица послала ему знаки и ленту ордена Андрея Первозванного, она сопровождала этот жест грамотой, в которой упоминалось о легендарном путешествии апостола Андрея по Днепру, из «Грек в Варяги» (ведь встреча с польским королем произошла на Днепре). Граф де Людольф на археологические темы: «При раскопках в развалинах Херсонеса найдено множество монет Александра Великого, некоторых римских императоров и русского царя Владимира Первого, явившегося сюда в 988 году, чтобы креститься. Он женился на дочери константинопольского императора Анне».²⁹

Не будем уличать автора в недостаточном знании истории (это проявилось бы, если бы цитата была продолжена). Важнее то, что он очертил некоторые исторические вехи, которые присутствовали в сознании путешественников, идею преемства от Греции прежде всего. Эту идею подтверждает такой красноречивый и беспристрастный источник, как топонимика: отнюдь не случайно возникавшие в Новороссии и в Тавриде города получали греческие названия. Не случайно столицей Крыма не был оставлен Бахчисарай. Его должен был заместить Симферополь, ибо в глазах Потемкина и Екатерины это был уже не татарский Крым, а именно Таврида.

---

²⁸ Русский архив, 1865, с. 870.

²⁹ Русское обозрение, 1892, март, с. 157.